

СРЕДИ КНИГ

психологию относят к тем социальным группам, которые уже сегодня, сейчас по характеру своей деятельности смыкаются с инженерными группами творческого труда. Головой им приходится работать не меньше, а то и больше, чем руками. Широта и глубина профессиональных интересов, знаний, опыта при этом неизбеж-

замеса, ощущение перенаселенности книги. И только потом уже обнаруживаешь, что основных героев в романе не так уж и много: бригада монтажников — пальцев на руках хватит, чтобы всех перечесть.

Но автор не устает показывать своих героев все в новых и новых ситуациях, поворачивать их к нам новыми и новыми

шел Погодаев к Княжичу «просто так», как человек, озабоченный нерестом хариуса...

Товарищ Погодаев по бригаде, Маркаров, — человек иного склада, рабочий-интеллигент, оставил философский факультет, чтобы теорию, свою склонность к философии (за что и прозван Антидюрингом) подкрепить, напоить практикой, и это не блажь — от внутреннего убеждения, от желания держать свою жизнь в собственных руках и строить

рабочего коллектива, сама атмосфера бригадной жизни.

Рабочий человек по природе своей коллективист, общественник, он умеет спросить с себя, не забывает спрашивать с других, знает, когда и как спрашивать, проявляя при этом и жесткость, и, особенно когда дело касается «человеческих отношений», необычайный такт и деликатность. Обостренное чувство собственного достоинства органически соединяется в нем с уважением к товарищам. Обо всем этом, о психологии трудового коллектива, об этике взаимоотношений в рабочей среде очень хорошо и точно написал в своих заметках «Глазами рабочего» (журнал «Знамя», №№ 6—7, 1979) ленинградский слесарь Анатолий Соллипатров. К сожалению, «производственная проза» до сих пор к этим нравственно-психологическим богатствам, составляющим душу рабочей жизни, едва-едва прикоснулась, она зачастую ориентируется на героя-одиночку, не задумываясь над противостоительностью такого положения.

Для Е. Воробьева духовно-нравственная жизнь рабочего коллектива — основной предмет художнического исследования. Перебрав в памяти основных героев романа (а их, как отмечалось, не так уж и много), мы обнаруживаем еще одного, наиглавнейшего — рабочий коллектив. В скрупулезном исследовании характера этого коллективного героя — успех романа Е. Воробьева.

Б. АНАШЕНКОВ

Евгений Воробьев. «Охота к перемене мест». Роман. Издательство «Советский писатель». М. 1979.

ВЕРНОСТЬ ВЫСОТЕ

У МНОГИХ читателей имя Евгения Воробьева тотчас вызывает в памяти перипетии его романа начала пятидесятых годов «Высота». Вспоминается и одноименный фильм, снятый по роману. С течением времени это запомнившееся название приобрело расширительный, даже аллегорический смысл — на первый план выступил его нравственно-политический пафос: высота нравственной позиции автора и его героя, высота разговора о рабочем герое наших дней, принципы отбора материала, подходов к решению темы.

Обо всем этом думаешь, когда читаешь новый роман Е. Воробьева «Охота к перемене мест». Тоже о монтажниках-высотниках. Мы даже встречаемся на его страницах с некоторыми старыми знакомцами. Но новый роман — не продолжение старого. В чем-то (это прежде всего интерес к «простому» рабочему, интерес к трудовому коллективу как

целому, представляющему наилучшие условия развития всем и каждому) писатель себя продолжает, углубляет, в чем-то (это обогативший взгляд на обстоятельства, в которые поставлен герой) себя поправляет, а итог — новая, вполне самостоятельная высота, взятая и обжитая Е. Воробьевым с присущими ему житейской обстоятельностью и художнической вдумчивостью.

Думаю, что и к монтажникам-высотникам писатель вернулся не случайно. Не только потому, что материал, те профессиональные тонкости, вне которых постижение героя немислимо, ему хорошо знакомы. (Он все эти годы не терял своих героев из виду, наблюдал их жизнь на стройках страны, а еще побывал и в Бхилаи, на Асуане.) Героев Е. Воробьева

но оборачиваются и широтой общественных интересов, социальной активностью: обстоятельство, имеющее для писателя, для его позиции значение принципиальное.

Все мы (и автор этих строк в том числе) немало добрых слов сказали по адресу «производственной прозы» 60—70-х годов. Но бесспорно: проза эта в широком и бурном своем разливе что-то и утратила из того, что некогда составляло ее славу и гордость. Например, героя сильного, яркого, значительного, живущего высокими общественными интересами.

Роман Е. Воробьева этот перекос выправляет — в той степени, в какой это под силу одному произведению. Самое первое впечатление — густота

ми гранями характеров, раскрывать в новых связях — бытовых, личных, общественных, производственных. Художественная выписанность каждого характера, тщательность психологического рисунка отнюдь не исключают новизны, свежести, элемента открытия, столь важного для искусства.

Один из самых значительных и привлекательных образов романа — монтажник Погодаев.

Нам не кажется неожиданностью, натяжкой дружба этого «простого» рабочего с генеральным директором Братской ГЭС Княжичем. Да, они люди очень разные — по возрасту, положению, жизненным судьбам, опыту, характерам, но счет у них к жизни один, потому они и находят так быстро общий язык, хотя впервые при-

ее в соответствии с собственными принципами и представлениями о долге, чести сделал он этот шаг.

Социально активный герой Е. Воробьева — не повторение пройденного; заслуга писателя в том, что он в художественных образах сумел показать, как возросшие культура, образование, профессионально-техническая грамотность, широкий кругозор современных рабочих практически реализуются в буднях строительства, во взаимоотношениях людей друг с другом, в сфере общественных интересов.

Не много можно назвать книг последних лет, в которых с такой же заинтересованностью, дотошностью и, я бы сказал, с таким удовольствием, как у Е. Воробьева, исследовались, раскрывались отношения внутри